

*Санкт-Петербургский государственный университет
и редакция альманаха «Русское прошлое» благодарны
Леониду Владимировичу Полякову (Москва)
за финансирование издания этой книги.*

Санкт-Петербургский государственный университет

Центр русских и восточноевропейских
исследований Питтсбургского университета

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

Историко-документальный альманах

Книга 7

Санкт-Петербург

Издательство Санкт-Петербургского университета

1996

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: *Л.А.Вербицкая*
Б.А.Старков
А.В.Терецук (ответственный редактор)
У.Дж.Чейз

Адрес редакции альманаха

Российская Федерация, 197198, С.-Петербург, Мытнинская наб., 5/2.

Телефоны: (812) 238-47-09

(812) 218-30-21 (секретарь)

Телефакс: (812) 233-06-72

Зав. редакцией *Г.И.Чердиченко*

Редактор *Е.Р.Михайлова*

Художник *Е.А.Соловьева*

Компьютерный набор и верстка: *Е.В.Величина*

Секретарь *Е.С.Егорова*

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Русского прошлого», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакции альманаха.

© «Русское прошлое», 1996

© Издательство С.-Петербургского университета, 1996

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ
Историко-документальный альманах
Книга 7

Подписано в печать с оригинала-макета 18.11.96 г.
Ф-т 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 23,78.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96 г.

Редакция оперативной подготовки
учебно-методических и научных изданий
Издательства Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии Издательства СПбГУ,
199061, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6.

Памяти
Виктора Бортневского

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Бортневский: Очерк творческой биографии 5
Перечень публикаций В.Г.Бортневского 12

П.Н.Врангель. Из фронтовых писем жене: 1918—1920 гг.
Вводная статья, подготовка текста и комментарий
В.Г.Бортневского 21

Н.Ф.Иконников. Пятьсот дней: секретная служба в тылу
большевиков 1918—1919 гг. Вводная статья, подготовка
текста и комментарий *В.Г.Бортневского* 43

Письмо Д.Д.Гримма П.Н.Врангелю от 4 октября 1921 г.
(из архива Гугеровского института войны, революции
и мира). Вводная статья, подготовка текста и комментарий
В.Г.Бортневского 106

В.Г.Бортневский. «Документы Трилиссера» и новая
книга Юрия Фельштинского: реплика вместо
рецензии... 116

Мемуары из коллекции А.И.Михайловского-Данилевского.
Вводная статья, подготовка текста и комментарий
А.И.Сапожникова 138

Из истории сберегательного дела в России: Письмо
В.Н.Хитрово П.М.Романову. Вводная статья, подготовка
текста и комментарий *В.В.Морозана* 159

А.М.Рыкачев. Дневник 1890—1892 гг. Вводная статья,
подготовка текста и комментарий *О.Н.Ансберг* 174

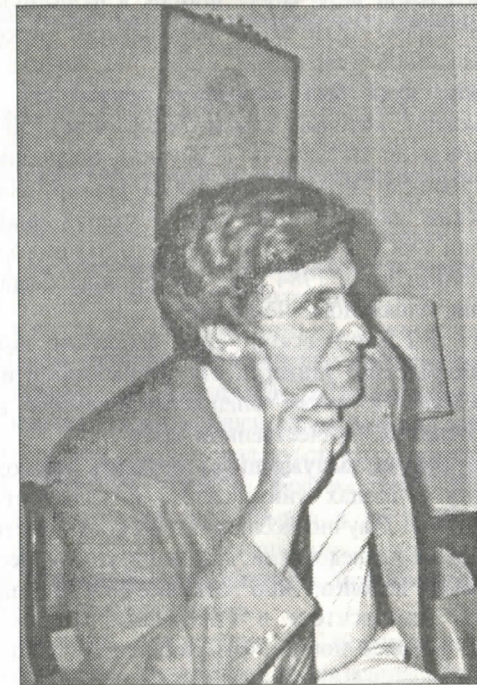
Арк. Яхонтов. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. Вводная статья и комментарии *Р.Ш.Ганелина* и *М.Ф.Флоринского* 245

«Живем — не радуемся...» (О голоде на Европейском Севере в период Великой Отечественной войны: специальное сообщение Управления НКГБ по Вологодской области). Вводная статья и комментарий *В.Г.Нечепы*... 349

Источниковедение отечественной истории

С.В.Лобачев. Книгопечатание и раскол. Старопечатные издания Московского печатного двора как исторический источник. Опыт исследования..... 358

С.Л.Фирсов. «Записка 32-х священников» как источник по истории Православной Российской Церкви..... 389

**ВИКТОР БОРТНЕВСКИЙ:
Очерк творческой биографии**

Человек никогда не уходит бесследно. Его зрительный образ надолго остается в памяти знавших его людей. Материализованные результаты его деятельности наследуют современники и потомки. Что же касается покинувшего этот мир ученого, преподавателя, то памятником ему становятся нашедшие дорогу к читателю труды, знания, усвоенные его учениками.

Виктор Георгиевич Бортневский за неполные 42 года, которые он прожил, сумел сделать очень и очень многое. А сколько он еще мог бы сделать, не завершившись его жизненный путь в апреле 1996 года? Неудивительно, что чувство невосполнимой утраты, испытанное его близкими, друзьями, коллегами, учениками, душевная боль и осознание вопиющей несправедливости случившегося не исчезают, хотя и принято считать, что время лечит любые раны...

Мемуары из коллекции А.И.Михайловского- Данилевского

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии А.И.Сапожникова*

В 1994 году исполнилось 180 лет со дня вступления русской армии в Париж. Столь важная для военной истории России дата, знаменующая собой победу над Наполеоном, не осталась незамеченной. Вниманию читателей альманаха предлагаются мемуары участников Заграничного похода 1813—1814 гг., составленные в ответ на запросы известного военного историка Александра Ивановича Михайловского-Данилевского.

О собранной им коллекции мемуаров в форме писем писалось неоднократно¹. Ее судьба после смерти историка была сложной и запутанной. Большая часть коллекции хранится в Российском государственном военно-историческом архиве. Публикуемые же документы обнаружены в отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки в фондах А.И.Михайловского-Данилевского и Н.К.Шильдера. Некоторые из них Александр Иванович использовал в своих трудах, но только частично и нередко без ссылки на источник. Читатели впервые имеют возможность познакомиться с ними полностью. Несколько слов об авторах мемуаров.

Георгий Арсеньевич Эмануэль (1775—1837) — в 1813 г. имел чин генерал-майора, командовал кавалерией авангарда корпуса Ланжерона. Историк обратился к нему с просьбой отредактировать описание пленения известного французского дипломата Лористона. Генерал одобрил это описание и сообщил ряд новых деталей.

Константин Маркович Полторацкий (1782—1858) — в 1814 г. генерал-майор, командовал бригадой в корпусе Олсуфьева. Запись его разговора с Наполеоном неоднократно публиковалась в сокращенном виде, местонахождение источника не было известно. Оказалось, что этот ранее публиковавшийся разговор занимает только третью часть воспоминаний Полторацкого.

Петр Христианович Витгенштейн (1768—1842) — в 1814 г. генерал от кавалерии, командовал корпусом «Спаситель Петрополя»,

в 1812 г. был одним из самых популярных генералов. После смерти М.И.Кутузова был назначен главнокомандующим союзными русскими и прусскими войсками. Однако будучи отличным командиром корпуса, с командованием союзными армиями Витгенштейн не справился и был смещен. Обнаружение мемуаров столь известного полководца стало совершенной неожиданностью.

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — в представлении не нуждается. В отличие от предыдущих авторов, его связывала с историком многолетняя переписка, частично опубликованная. Публикуемые ниже письма содержат немало новых сведений об его участии в кампаниях 1813—1814 гг.

Тексты писем публикуются без сокращений с соблюдением правил современной орфографии и синтаксиса. Вместе с тем, сохранено написание отдельных слов, характерных для исторической лексики прошлого столетия. Расшифровка сокращений дается в квадратных скобках.

***

Подробности взятия в плен Лористона, суть следующие: генерал Эмануэль из первых въехал в Лейпциг, имея с собой в конвое трех офицеров и одиннадцать рядовых. Миновав цепь стрелков наших, он встретил двенадцать кирасир французских, которых принудил сдать; потом, посреди бегущих неприятелей, полонил одного неприятельского генерала, и наконец дошел до подорванного моста. Здесь он увидел французов, и [з] которых иные вплавь, а другие на досках старались переправиться через Эльстер. Не помышляя о малочисленности своего конвоя, генерал Эмануэль угрожал смерти французам, ежели они не сдадутся; они повиновались. Между оными находился и Лористон. В это время один из окружавших нашего генерала офицеров заметил французский батальон, шедший к мосту, и хотя сам генерал Эмануэль совершенно был отрезан, но присутствие духа его не оставило. Вместе с Лористоном поехал он навстречу к батальону, который появлением его приведен был в тем большее замешательство, что видел корпусного своего начальника во власти русских, бросил ружья и сдался военнопленным. Таким образом, два генерала, 3 штаб-офицера, 15 офицеров и до четырехсот рядовых взяты были одним генералом Эмануэлем.

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.179—179об. Подлинник.

***

Милостливый государь
Александр Иванович!

Имею честь получить отзыв вашего превосходительства, ко мне последовавший от 2-го января сего года, с приложением записки о взятии мною в плен генерала графа Лористона², нахожу, что она заключает в себе истинное содержание сего важнейшего в жизни моей на поприще военном события, за исключением некоторых подробностей, а именно: 1-е, кирасиры французские, коих я принудил сдать, были из числа конвоя графа Лористона, 2-е, полоненный французский генерал Дювено. 3-е, между французами, которые старались перешлыть Эльстер, дабы уйти от меня, была и польская конница, в числе которой был и сам Понятовский, утонувший в сие время в Эльстере³. 4-е, батальон находился в взводной колонне и положил ружья только по третьему моему воззванию «*bas les armes*»⁴, быв до того еще в изумлении и нерешимости, и в самое то время штаб и обер-офицеры, числом в записке означенным, подбегали отдавать мне свои шпаги, но я им оставлял оные говоря: «*tenez les épées sur paroles d'honneur*»⁵, не имея даже кому и отдавать, ибо малый мой конвой держал за повода кирасир и охранял пленных генералов. Дабы в сию решительную минуту не дать время им одуматься и поднять оружие или и самому графу Лористону предпринять какие-либо меры, я воскликнул: «*suivez-moi*»⁶, и все пленные последовали за мною. А за сим 5-е, пред выходом из города послал я своего адъютанта, ныне полковника и командира Волгского линейного казачьего полка Зельмлица, отыскать тогдашнего корпусного командира графа Ланжерона⁷ или главнокомандующего Силезскою армиею фельдмаршала Блюхера⁸, дабы я мог пленных им представить. Но в сие время блаженной памяти государь император въехал в город Лейпциг. По дошедшему до него слуху о взятии в плен графа Лористона, государь потребовал сего адъютанта к себе, расспросил оного подробно, как все сие случилось и, сказав незабвенные для меня слова: «Спасибо тебе и твоему генералу», высочайше чрез него же мне повелеть соизволил сей час лично представить графа Лористона, которого я и имел счастье представить его величеству со всеми пленными, на самой большой лейпцигской площади, в присутствии короля прусского⁹, нынешнего короля шведского¹⁰ и князя Шварценберга¹¹. После сего государь приказал мне сдать графа Лористона тут же находящемуся генералу, ныне генерал от инфантерии, графу Кутузову¹².

Сие самое представление прямо к государю императору согласно высочайшей воле было причиною, что в реляции главнокомандующего Силезскою армиею нигде не было об оном упомянуто.

Изложив сии подробности и обращая доставленную ко мне записку, я не могу при сем случае не изъяснить, что приемлемые вами труды описанием войны 1813-го года с истинным изображением подвигов русских воинов будут служить для потомства сведением и примером, а имевшие счастье участвовать лично в оной примут оный труд ваш, коим вы сохраните дела их в незабвенной памяти, с самою живейшею благодарностию.

Примите при сем уверение и о моем отличном почтении и совершенной преданности, с коими навсегда пребыть честь имею
г. Черкассы
18-го января 1834

милостливый государь
вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Георг Эмануэль

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.177—178. Подлинник.

***

Милостливый государь
Александр Иванович

По желанию вашего превосходительства в письме 20 ноября изъясненному о действии корпуса генерала Олсуфьева¹³ при Шомробер¹⁴, в котором я также был действующим лицом после сражения Шатобриенского и Ларотьерского¹⁵ в коих понесли мы значительную потерю в людях и число их уменьшилось до 3650 человек, препровождаю при сем записку. В ней я изложил дело все как было по истине. Вашему рассмотрению представляю поставить эти сражения в том виде достоинства, как они заслуживают. Вы изволите увидеть, что уклониться от битвы нам не было возможности и что с малыми средствами мы упорно дрались против больших сил неприятеля целой день до совершенного истребления.

Извините, что я несколько замедлил доставлением вам сего сведения по причине отлучки моей для ревизии губернии.

При засвидетельствовании истинного моего почтения и преданности имею честь быть

12 января 1835 года
Ярославль

милостливый государь
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Константин Полторацкий

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.181—181 об. Автограф.

***

Описание действия корпуса генерал-лейтенанта Олсуфьева, который состоял из дивизий генерал-лейтенанта Корнилова¹⁶, генерал-майора Удома¹⁷ и бригадных генерал-майоров Полторацкого, Пушкина и Юшкова¹⁸ при Монмирале¹⁹.

После известного отличного дела при Ларотьере, где российское войско под командою графа Сакена²⁰ сражалось с французами под командою самого Наполеона и где он был разбит с потерей 60-ти пушек, доставшихся победоносному российскому войску с несколькими тысячами пленных, большую часть молодой французской гвардии, в коей сильно участвовал и корпус генерала Олсуфьева. На другой день корпус Олсуфьева, состоявший из 3.690 человек пехоты, 24-х орудий артиллерии и 16-ти человек конных вестовых, которые употреблялись впереди авангарда для разведывания о движениях неприятеля, прибыл в Бриен, где находилась главная квартира Прусской армии под командою фельдмаршала Блюхера, к которому и поступил корпус Олсуфьева. Вся Прусская армия из Бриена пошла в местечко Этож, в коем от Блюхера дано повеление Олсуфьеву с корпусом идти в деревню Шампобер, лежащую на большой дороге-шоссе расстоянием 5 лие от Этожа и 6 от Монмирала. В сем последнем находился со своим корпусом граф Сакен. Корпусу Олсуфьева приказано было расположиться на несколько дней в Шампобер и окрестностях, дабы несколько оправиться и отдохнуть после сильных боев, коими он был занят и от коих в числе людей значительно обессилен. Особенно в сражениях Ларотьерском и в местечке Шатобриен, которое за два дня счастливого Ларотьерского сражения, защищая упорно, был вытеснен самим Наполеоном, с большею для нас потерей.

По получении приказа следовать в Шампобер, 16-го генваря в ночь выступила бригада егерей генерал-майора Удома, которой на пути узнал, что в маленькой деревне Бе, лежащей на проселочной дороге на направлении к местечку Сезан, находятся в небольшом числе французские партизаны, пошел в Бе, отряд вытеснил и занял деревню своею бригадою. В ту же ночь весь корпус Олсуфьева выступил и в 7-м часов утра прибыл в назначенное ему место Шампобер, расположился варить кашу и размещением полков в близлежащие деревни для квартир. В 8-м часов утра выптанные Удомом партизаны из Бе начали его самого атаковать и с такою силою, что Удом вынужден был просить подкрепления, донося Олсуфьеву, что неприятель ежеминутно показывается сильнее и отважнее и что накануне у отряда орудий не было, а в сие утро

12
показалось уже до 28³ пушек. Олсуфьев послал в подкрепление Удома два полка дивизии Удома и 6-ть пушек. В 9-м часу дело завязалось уже ³серьезное, и можно было заметить, что неприятельские войска есть не партизанские, а действующей армии. В сем положении корпусный командир приказал квартирьеров воротить, кашу из котлов выбросить, лишние тяжести ту же минуту отправить назад в Этож и всей остальной части корпуса приготовиться к бою. Около 11-го часа еще послано подкрепление Удому и сражение завязалось так, что корпусный командир принужден распорядиться употребить почти весь корпус в стрелки. Генералы Корнилов, Удом и Пушкин удерживали линию с необыкновенным упорством, а последний держался, решительно сказать можно, до последнего уничтожения всех его средств. Из местечка Бе, которое упорно было защищено ^{всех} и куда я призван был на совет, видно было что мы вынуждены сражаться с значительным французским корпусом и что армия Наполеона шла из Сезана и, не доходя деревни Бе верст за 5-ть, разделялась направо и налево, дабы совершенно обойти кругом Шампобер. Заметив таковое движение, корпусный командир Олсуфьев несколько раз посылал извещать фельдмаршала Блюхера, что он вступил в дело с французскою армиею, идущею из Сазана в Шампобер, и что, как шпионы уверяли с оного, находится тут Наполеон. На донесения сии получены были такие ответы, что опасения его напрасны, что Наполеон тут быть не может и что в отряде, против него действующем, более 2000 партизанов быть не должно. С тем вместе было строго приказано Шампобер по причине важности пункта, соединяющего армию Блюхера в Этоже с корпусом Сакена в Монмирале, удерживать до последней капли крови. Наконец, около 2 или 3-го часу дня неприятель вытеснил Удома из Бе, и весь корпус Олсуфьева, растянутый почти на 3-х верстах, был в стрелках и тем маскировал число войск, которое дралось с отличною храбростию до того, что в сумам не оставалось патронов. При таком состоянии мы видели, что погибель наша неизбежна. Конные наши вестовые поминутно извещали нас, что французские колонны выходят на шоссе от Этоже к Шампоберу и на шоссе от Монмирала к Шампоберу. Таким образом, наши сообщения от армии Блюхера и корпуса Сакена были прекращены. Около 7-ми часов вечера генерал Олсуфьев, говоря генералу Полторацкому, что мы совершенно окружены, приказал собрать остатки корпуса и защищать Шампобер как пункт самой важной, которой ему удерживать было приказано. Генерал Полторацкий, устроив две колонны и взяв к себе оставшиеся 9-ть пушек, поставил их в Шампобере на перекрестках,

зарядив ядрами и картечью, действием коих довольно удачно давал отпор нескольким кавалерийским атакам, из коих в одной генерал Олсуфьев был взят в плен. Наконец, пехота сильными натисками и ружейным огнем, коему за расходом патронов генерал Полторацкий не мог уже делать сильного отпору кроме холодного оружия, был вытеснен из Шампобера. Тогда, сформировав каре и взяв пушки, он в необходимости был ретироваться одним оставшимся ему путем чрез поле, где предстояла еще надежда, пройдя две версты, занять лес и там защищаться. Неприятель, заметив его в положении расстроенном, два раза присылал парламентаря с предложением о сдаче, но получив отрицательный ответ и раздраженный упорством, он удвоил силы своей атаки, подвез конную артиллерию, бил в каре жестоко картечью. Приближаясь к лесу, Полторацкий надеялся еще попасть на проселочную дорогу, но, к нещастию, и в оном он встретил неприятельскую пехоту, которая открыла батальный огонь. В таком положении, потеряв значительное число людей убитыми и ранеными, Полторацкий с отрядом своим был решительно уничтожен. И по последствию натисков с одной стороны кавалерии, а с другой пехоты, взят в плен в самом бою у опушки леса. Между кавалерийским ротмистром и пехотным капитаном при нем же был большой спор, кому из них он в добычу достался.

Окончание дела застигла совершенная ночь. Генералу Полторацкому дали лошадь и отправили к генералу Груши²¹, находившемуся в расстоянии 2 верст от Шампобера, где он расположился со своею армиею. Груши, приняв генерала Полторацкого, потребовал себе лошадь и в ту же минуту рысью отправился с пленным в Шампобер для представления к Наполеону, который в сем месте уже расположился.

Вход к Наполеону.

Нап[олеон]: Сколько вас было сегодня под Шампобером.

Отв[ет]: 3690 человек пехоты, 24 пушки.

Нап[олеон]: Вздор! Этого быть не может, вас было по крайней мере 18 т[ысяч].

Отв[ет]: Государь! Русский офицер не говорит вздору. Слова мои есть настоящая истина. Впрочем, у вас есть другие пленные, от коих вы узнать можете то же. Тогда я надеюсь, вы узнаете, что русские не лгут.

После ответу сего Наполеон, нахмуясь и по кратковременном молчании, сказал: «Если это точно так, то можно вам сказать по чести генерал, что русским только можно так жестоко драться. Я

дал бы голову отсечь, что вас ^{было} по крайней мере 18 т[ысяч]». На сие замечание Полторацкий отвечал: «Однако же я в плену».

Нап[олеон]: «Что это значит... Ваш Александр имеет теперь лучших моих генералов до 50, которые вам не уступят, но положим я вас истребил, хотя в том мне честь небольшая, ибо войска мои дрались с вами целый день. Но последствия этого дела для меня важны, и я вам скажу — сегодня я истребил вас, завтра уничтожу Сакена, в четверг уничтожу весь авангард графа Витгенштейна, а в пятницу дам туза Блюхеру, от которого он не опомнится, а там надеюсь предписать мир вашему Александру на Висле».

На сии слова, которые не могли показаться иначе как хвастовством, приличным гасконцу, а не такому великому человеку, каков был Наполеон, пожав плечами, Полторацкий отвечал: «Это довольно мудрено».

Нап[олеон]: «Вы у меня в плену и узнаете: пророк ли я, или нет».

Последствия этого пророчества, как доходили сведения до пленных, может быть и преувеличенные большею частию, сбылись, и слова его подтвердили необычайное соображение и предприимчивость великого полководца.

После слов пророческих побед Наполеон пустился в разные суждения и пробежав ход войны 1812-го года, сказал: «Ваш (fin merle)²² Кутузов своим фланговым маршем меня надул», — и так разговорился и распутился, что Полторацкий осмелился в некоторых случаях с ним спорить, и кстати сказать, что французы сожгли Москву. Это выражение его оскорбило, и он сказал: «Как французы!? Это вы, русские, эту варварскую штуку сделали». Полторацкий на сие сказал: «Государь, когда вы взяли Москву, и беспорядок водворился, то можно легко сказать, что и вы, и мы. Но должен вам признаться искренно, что русские о том не жалеют, и гордятся еще, что старую свою столицу обратили в золу и могут сделать скоро новую». На сие Наполеон еще более рассердился, и сказал: «Эта мысль варварская и пятно для нации. Я брал Берлин, Вену, Мадрид — и нигде этого не было».

Полт[оракский] отв[ечал]: «Государь, русские в том не раскаиваются и последствиями своих дел восхищаются».

На сии слова Наполеон, топнув ногою, сказал: «Подите вон», — и Полторацкий вышел.

При всем этом разговоре в комнате Наполеона, вытянувшись в нитку, стояли: фельдмаршал Бертье²³, Ней²⁴, Мармон²⁵ и министр иностранных дел Маре²⁶.

Генерал Полторацкий, сойдя с лестницы в сопровождении жандармского полковника и пробираясь через биваки гвардии, стоявшей около дома Наполеона, услышал голос: «Где генерал русской пленной?» Остановившись, он был достигнут генерал-адъютантом Фляу²⁷, который очень учтиво пригласил возвратиться опять к Наполеону, к которому будучи введен, к большому удивлению, был осыпан разными французскими приветствиями, после коих начался распрос: «В каком числе русская гвардия и армия? Где государь?», называя по фамилии многих русских генералов. Ответы натурально были таковы, что «я не знаю». На сие Наполеон сказал: «Я за удовольствие было поставил себе с вами войти в некоторые рассуждения, но ваш ответ “не знаю” меня останавливает. К чему ваш Александр везде употребляет свое отличное войско, а не употребляет немецкий винегрет, который бы я вместо того, чтобы с вами драться сутки, уничтожил в полчасу?» Полторацкий отвечал: «Государь! Вы спрашиваете о секрете нашей армии, а это есть тайна. Воля же нашего государя — куда употребить нас угодно — для нас священна». Наполеон: «Храбрый воин говорит все, что у него на сердце». Полторацкий: «Присяга государю и Отечеству иначе нами располагает». В сие время разговора Наполеон показывал перехваченные приказы Блюхера к Олсуфьеву, в коих было приказано, ни под каким видом не отступать от Шампобера. «Вот ваш пьяница Блюхер, знал ли он, что я тут? А где я, тут сто тысяч [и] больше». И потом после отрицательных слов Полторацкого о состоянии армии, вторично был выпнай. Наполеон приказал отправить Полторацкого в Париж, велел особенно² иметь за ним наблюдение.

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.182—187. Подлинник.

***

Милостливый государь
Александр Иванович

На лестное письмо вашего превосходительства от 25 февраля имею честь уведомить, что генерал Олсуфьев так же представлен Наполеону и оставлен у него ужинать. Быв с Олсуфьевым в плену во Франции, я ничего не слышал от него занимательного о разговоре с Наполеоном — думаю, что оно бы не могло, потому что генерал Олсуфьев очень трудно объяснялся на французском языке.

Очень рад, что мог доставить вашему превосходительству верные сведения о деле при Шампобере, которое именно везде было изуродовано. Всякий рассуждал о составе и потере целого корпуса, но корпус этот, бывши почти истреблен, составлял всего 3690 человек пехоты. В описании вашем похода войск во Францию, не одно Шампоберское дело будет представлено в настоящем его виде, но и все другие, делавшие часть российскому войску, и оно будет обязано вам благодарностию за славу, которую украсится ваш ревностный труд в сем описании.

С истинным почитанием имею честь быть
вашего превосходительства
покорнейший слуга
16 марта 1835 года
Ярославль
Константин Полторацкий

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.188—188об. Автограф.

***

Милостливый государь
Александр Михайлович!²⁸

По случаю бытности моей в прошедшем месяце в Харькове и Киеве, я не мог прежде получить письма вашего превосходительства от 17-го декабря с приложением отпечатанных записок о походе 1813 года, как по возвращении уже в дом.

Ныне читал я сии записки с особенным удовольствием, и чем более оно было ошутительно, тем с вящим стремлением я к рассмотрению трудов ваших вниманием.

Должно признаться, что изданием сим вы стяжали себе неотъемлемое право на благодарность русских воинов, ибо в общем объеме всех действий истина соблюдена неукоснительно, но только примечаю, что, при открытии кампании, наступление наше через Кульм, Пирно и Дрезден выпущено, уповательно в том уважении, что вы хотели говорить об одних лишь главных сражениях.

При сем, согласно желанию вашего превосходительства, прилагаю мою записку из памяти составленную, по нахождению подлинных документов в Главном штабе, имею честь быть с истинным почтением и преданностью.

6-го февраля 1835
м.Тульчин
его пре[восходитель]ству
А.М.Данилевскому
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Князь Витгенштейн

ОР ГПБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.95—95об. Подлинник.

***

✓ После Бриенского дела²⁹, при наступательных действиях **Большой** действующей армии, велено мне было занять г.Прован, а оттоль послать авангард по дороге в г.Нанжи и Мармон для преследования неприятеля к Парижу. В Нанжи был послан значительный отряд австрийских войск, который должен был в случае нужды поддерживать мой авангард под командой графа Палена³⁰. Я исполнил сие повеление и занял Прован без сопротивления. По прибытии туда я получил от графа Палена рапорт, что он удалился от меня на 12-ть часов, ибо подходил уже к г.Мармону: почему не надеясь на подкрепление австрийцев, я обеспечил свой правый фланг занятием г.Монмирала, оставив небольшой отряд в Проване, сам пошел на подкрепление авангарда. За сие движение сделано мне, против моего ожидания, высочайшее чрез князя Волконского³¹ замечание, что я не следуя диспозиции оставил Прован тогда, когда неприятель занимает Монмираль; тем более, что австрийских войск находится достаточно для прикрытия нашего авангарда в Нанжи. Получив сие повеление я сейчас донес, что Монмираль занят уже нашими войсками, и что я должен исполнить высочайшую волю, но, к сожалению, предвижу, что мой авангард **сделается** жертвою неприятеля, будучи в полном уверении, что австрийцы останутся без действия; сие к несчастью и случилось. Я оставил свой корпус по дороге у Maison Rouge³², а сам отправился со своим штабом и находившимся при мне австрийским полковником Цоричем, дабы быть свидетелем движения австрийских войск. В то самое время получил я от графа Палена донесение, что Наполеон со всеми силами его атакует, и что он в полном отступлении. Я, видя сие, тотчас послал полковника Цорича к австрийскому генералу, чтобы он вышел на помощь для поддержания отступления нашего авангарда. На сие получил от него ответ, что ему не велено завязывать дела, и вследствие того он, не сделав ни одного выстрела, отретировался влево, от чего авангард был совершенно разбит. Но к счастью, на занятой мною позиции у Maison Rouge неприятель был остановлен и отбит. За всем тем сие несчастное дело было причиною общей ретирады большой армии до такой степени, что уже часть войск отступила в Швейцарию; мне велено было прикрывать ретираду. Наполеон весьма слабо преследовал, и, наконец, трое суток я не видел неприятеля. Последнее мое отступление было в Colombe-l'Eglise³³, где, к счастью моему, встретил я **е[го] в[еличество]** короля прусского. Сей час явсья к нему, объяснил я, что столько времени меня никто не преследует, и что, уповательно, Наполеон обратил все силы на Блюхера, и если мы не сделаем

диверсии, то он может быть разбит. Его величество согласился с моим мнением, и на другой же день дано мне повеление начать наступательные действия. Тогда двинулся я вперед, и недалеко от Труа наступил неприятеля, которого сейчас атаковал корпусом князя Горчакова³⁴ и принудил отступить в г.Труа. Тут присоединился ко мне баварский генерал Вреде³⁵ со своими войсками, и мы заняли с ним сей город (так как он был старше меня, то я находился под его командою). Оттуда велено было продолжать нам свое наступление на г.Бар на Обе, где я получил повеление от князя Шварценберга служить подкреплением баварским войскам.

✓ По прибытии к Бар на Обе, увидев, что нас в сей узкой долине было сосредоточено более сорока тысяч в присутствии фельдмаршала Шварценберга с частию австрийских войск, тогда как на правом нашем фланге все горы были оставлены и мы легко могли быть взяты неприятелем во фланг, я просил фельдмаршала приказать занять те горы. В следствие чего он, подозвав к себе генерала Вреде, объявил ему мое мнение. Генерал сей на то согласился, но объявил, что его войска по усталости людей и лошадей, сего выполнить не могут, почему я, испросив позволение отправиться туда со вверенными мне войсками, сейчас пошел с артиллериею без всякой дороги прямо через виноградники, и в то же время открыл там в полном на нас марше маршала Удино³⁶. Я немедленно атаковал его и сражение завязалось самое кровопролитное. Тут прибыл **е[го] в[еличество]** король прусский и оставался до самого окончания дела. Так как я должен был сбивать французов с позиции и брать возвышение на штыки штурмом — что сделано было с успехом — то король, дабы ободрить наших воинов, тут же на поле сражения награждал полковых и батальонных командиров орденом *rouge la merite*³⁷. Как французские войска беспрестанно получали подкрепление, и будучи гораздо нас многочисленнее, силились вновь занять свою прежнюю позицию, то я отрядил графа Палена с кавалериею и корпус **е[го] в[ысочества]** принца Евгения Виртембергского³⁸ скрытым маршем неприятелю во фланг, сам же с малым числом войск удерживал позицию, а между тем послал просить фельдмаршала Шварценберга дать мне подкрепление. Но, к счастью, как только обход совершился и наша артиллерия открыла огонь во фланг неприятелю, то он сейчас начал отступление на мост при Лабрюне. Сражение кончилось в ночи, и мы взяли несколько трофеев и много пленных. Я был ранен в правую ляшку пулею навывлет; но, перевязав ногу, оставался до окончания сражения; почему в последствии уже и не мог брать участия в окончании войны. При сем случае я должен сказать, что король

прусская, будучи, к счастью моему, свидетелем сего дела, может подтвердить, что никто из союзных войск, кроме русских, в оном не участвовал, хотя в австрийском бюллетене между прочим и сказано было, что «якобы их генерал своими искусными маневрами выиграл дело, что русская артиллерия действовала отлично; что князь Шварценберг получил контузию, а граф Витгенштейн ранен». Но упомянутый в бюллетене генерал прибыл, когда уже все было кончено. Он, являсь к королю прусскому, спрашивал его приказания, но его величество отвечал, что дело уже кончено и что храбрые русские преследуют неприятеля, а посему советует ему поддерживать их.

Сие блистательное дело было причиною взятия баварцами Бара на Обе, и там-то фельдмаршал Шварценберг получил контузию, в моем деле, как в бюллетене сказано.

ОР ПИБ. Ф.859. К.2. № 1. Л.96—100. Подлинник.

***

Милой и почтеннейший Александр Иванович! Истинно дружеское письмо Ваше я получил, за которое весьма, весьма вам благодарен и на которое спешу отвечать.

Пока мне не нужно учителя; я взял к себе такого, коим я еще доволен, но в случае нужды позвольте мне вас, любезнейший друг, обеспокоить и прямо к вам прибегнуть. Вы будете моим резервом в критических обстоятельствах, как некогда старая гвардия была для Наполеона; я на вас обопрюсь, — а вы не изменяйте, как никогда она ему не изменяла. Итак, об учителе пока ни слова.

Записки ваши на 1813 год я читаю во второй раз; они теперь лежат под моими глазами. Не буду вам ничего о них говорить; боюсь, чтоб вы меня не приняли за комплиментщика, чем я никогда не бывал, но не могу умолчать что я вполне наслаждаюсь ими и как любитель словесности и как военный человек. Благодарю, что вы и меня не забыли; ни в одном описании 1813 года кампании не было упомянуто о занятии мною Ней-штадта Дрезденского. Вы упомянули о том. Жаль только что вам неизвестны были некоторые подробности, от чего, по истине я был отослан Винценгероде³⁹ в Главную квартиру, ибо вступление в переговоры с Дюрютом⁴⁰ о сдаче Ней-штадта была только личина. Тетенборн⁴¹ то же сделал при занятии Гамбурга и за то награжден чином. Дело в том, что тогда полагали невозможным, чтобы Наполеон когда-либо явился в Германию. Думали, что пока он успеет составить новую армию,

вся Германия подымется и он сам не посмеет предпринять борьбу, столь для него опасную. Словом уверены были, что всему конец, и потому всякому начальнику хотелось увенчать этот конец занятием или взятием какой-нибудь столицы, а как другой неприятельской столицы не было, кроме Дрездена, — все на нее метили. Вот почему Блюхер настаивал, чтобы Винценгероде шел вправо, т.е. к Торгау; Винценгероде со своей стороны требовал чтобы Ланской⁴², командовавший авангардом его, шел туда же, а Ланской посылал меня, командовавшего его авангардом, по тому же направлению. Но я, будто мимоходом к Торгау, завернул к Дрездену и захватил Ней-штадт, почти половину столицы, и все намерения начальников моих поставил вверх дном, ибо как ни говори с'est moi qui a entamé la ville⁴³. Как же было Винценгероде простить мне такую удалую штуку? К тому же я не был его поклонником, да был еще и русский, — а у него был Прендель⁴⁴ перекрещенный жид, друг и наперсник его; и там он одним ударом достиг до двух предметов ему приятных: удалил меня и усилил отрядом моим отряд своего приятеля.

Что касается до Алтенбургского дела Платова⁴⁵ и Тильмана⁴⁶ с Лефевр-Денуэтом⁴⁷, то есть еще живые люди: граф Менсдорф⁴⁸, генерал-губернатор Богемии, и сам Тильман — они скажут, кто это дело решил и кто андреевскую ленту доставил Платову: это было в глазах всех. Платов шел от Пенинга и атаковал Лефевр-Денуэта под Алтенбургом за 2 часа до атаки Тильмана, шедшего по дороге от Цвикау и коего авангардом я командовал. Услыша стрельбу на рассвете, я дал о том знать Тильману и, не дожидаясь повеления его, поскакал на выстрелы. У меня было в команде два полка: полк Иловайского (Осипа Вас.⁴⁹) и Горина⁵⁰. Я прибыл к Алтенбургу, когда весь отряд Платова был уже расстроен и 2 орудия у него взяты. Пользуясь лесом, я обогнул правый фланг неприятельских войск и ударил на его резервы с тыла. Все дрогнуло и побежало. Войска, которые дрались с Платовым, видя это, то же сделали. Прибыл Менсдорф и Тильман и поддержали мои натиски; Платов также исправился и напирал на неприятеля. Мы вогнали его в Цейц, приступили к городу и взяли его. Он хотел было расположиться на ночлег за речкою, протекающею у города. Мы не позволили: я слева, Кудашев⁵¹ справа переправились через речку и снова напали на французов. Тут уже они решительно обратились в бегство, которое прекратилось за Вейсенфельсом; Итак погоня продолжалась 5 миль; мы взяли 4 пушки и до 1500 человек пленными. Мне за это не было и спасибо свыше, и нигде обо мне неупомянуто ни в реляции, ни в описаниях сей

кампании; вся награда моя ограничилась похвалою товарищей моих у бивачных огней — награда лестная, но пролетная, как дым пылавших костров, вокруг коих мы тогда отдыхали.

Вы спрашиваете, куда адресовать письмо Сеславину⁵². Не знаю. Я его три года или более тому назад потерял из виду, а зовут его Александр Никитич.

Вы так же спрашиваете, не знаю ли я к кому отнестись, чтоб иметь сведения о походе 1814 года? Я думаю, что мало таковых в живых осталось, а которые живы, то Бог знает, где таятся. Что касается до меня, то я постараюсь вас снабдить вкратце всем тем, что я знаю на счет этой кампании.

Итак, простите, любезнейший Александр Иванович, верьте в непоколебимость дружбы

1835/30 марта. Москва
в Зубове, на валу в доме Стрекалова

вам преданного
Дениса Давыдова

ОР ГПБ. Ф.488. № 54. Л.3—4об. Автограф.

***

Я виноват перед вами, любезнейший Александр Иванович, что медлил ответом на милое письмо ваше. Медлению моему много было причин. Пребывание в Москве императора и, следовательно, представления, балы, парады, учения, гуляния и пр. А потом сбор мой к отъезду еще на год в дальнюю деревню, все это увлекло меня от пера и бумаги. Теперь я свободен и первая строка вам посвящается.

Вы хотите знать некоторые подробности кампании 1814 года во Франции. Но об этой кампании я ничего вам не могу сказать более того, что уже о ней известно. Я в течение ее служил в рядах и, потому, далее моего носу не мог видеть, а нос мой недлиннен.

Про себя скажу вам, что я все время командовал Ахтырским гусарским полком в 3-й гусарской дивизии, находившейся тогда в армии Блюхера. Был в сражениях под Бриеном, и под Ларотьером. За последнее произведен был в генерал-майоры. Был под Монмиралем, до небес превознесенном французами и нестоющим этой славы, но замечательном нелепостию соображения Сакена, атаковавшего сильнее правым флангом, тогда как следовало ему атаковать левым, для связи одного с атакою Йорка⁵³, пришедшего от Шато-Тиери, единственного убежища и Йорка, и Сакена в случае неудачи. Посредством такового распорядка войска наши, дравшиеся на пра-

вом фланге, остались на произвол судьбы, когда от напора превосходного в силах неприятеля и Сакен, и Йорк принуждены были отступить к Шато-Тиери. Но так как русскому солдату определено провидением выносить на мощных раменах и на трехгранном штыке своем все ошибки своих начальников, — отрезанные войска пробивались долго сквозь в десятеро сильнейшего неприятеля и соединились к утру с главными силами.

Я был в Краонском сражении⁵⁴, битве ужасно горячей. Говорят, что спасло нас местоположение, не позволяющее неприятелю в десятеро нас сильнейшему, обойти оба фланга нашего корпуса. Но, видя препятствия эти собственными глазами, я и тогда находил их не столь крупными, чтобы быть недоступными пехоте. Как бы то ни было, но фланги наши, примыкавшие к крупным отлогостям, оставались во все сражение без нападения. В этом сражении наш г[енерал] лей[тенант] Ланской был смертельно ранен и умер от раны, г[енерал] м[айор] Ушаков⁵⁵ убит, Юрковский⁵⁶ ранен, Дм.В.Васильчиков⁵⁷ ранен — словом, все кавалерийские генералы (кроме Лар.Вас.Васильчикова⁵⁸) были убиты или ранены, и я, будучи полковником, несколько дней командовал 3-ю гусарскую дивизию. Мне прострелили пулями кивер и рукав ментика, картечью отбило сабельные ножны и прострелило глаз у лошади. №3. Я еще был тогда полковником, потому что генеральский чин за Ларотьер не вышел еще из-под пресса. Замечательно, что в сем деле около 10 тысяч конницы было послано в обход для нападения на правый фланг неприятеля, полагая что тем разобьют Наполеона. Этой конницею командовал генерал Винценгероде, который отошедши верст пять от поля сражения, остановился кормить лошадей и далее не пошел. Нашего брата за это засудили бы, но Винценгероде все с рук сходило.

Я так же был под Фер-Шампенуазом⁵⁹, шел от Шалона в голову Блюхеровской армии, командуя гусарскою бригадою, составленною из Ахтырского и Белорусского полков. От частых битв в течение сей кампании бригада моя состояла только из 900 всадников, не более. Я семь раз атаковал колонну Пактода⁶⁰, и все безуспешно. Несколько раз наезжал на рогатки штыков, подставленных этой колонною, и все тщетно. Причина упрямства моего состояла не в том, чтоб я надеялся врезаться в средину этой огромной массы, ибо я в сравнении с нею много уступал ей в числительной силе, но для того, чтобы не давать ей ходу до прибытия и артиллерии и большего числа конницы мне на подмогу, что и случилось. Прибывшая конно-артиллерия про[...] несколько ряды сей колонны, мы бросились на нее, с одной стороны —

конно-егеря графа Павла Петр. Палена⁶¹ и Кинбурнский драгунский полк, а с другой — моя бригада, и колонна легла под нашим лезвием.

Вот любезнейший Александр Иванович все, что могу сказать вам о сей кампании. Дай бог в добрый час!

Вам нравится статья моя о морозе 1812 года; Я верю, вы русской душою. Я совсем не прочь чтобы ее перевели на французский, немецкий и английский языки и напечатали бы в чужих краях. Пора и нам заступаться за себя пером. Если бы я был в Петербурге, — то непременно нанял бы трех чужеземцев для перевода, но в Москве их нет, а в Симбирской губернии вряд ли когда и будут. А это дело отечественное. Я прибавил бы к этой статье и Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона, изданный лет 5 тому назад, ныне пополненный новыми документами и проданный Смирдину⁶². Теперь занимаюсь опровержением замечаний эрцгерцога Карла⁶³ на Италианскую кампанию Суворова и на переход им Альпов, а между тем атакую Вальтера Скотта⁶⁴ за Кутузова, в истории Наполеона представленного, как хотел Вильсон⁶⁵, чтоб его представили. Вы видите, что я веду войну не с тощими и гнилыми журналистами, а людьми, достойными возражений. Будет ли успех или нет, Бог знает! По крайней мере я исполняю долг русского солдата и в мирное время.

И так простите любезнейший друг, если будете в течение этого года в Пензе, уведомьте заранее. Я постараюсь с вами повидаться 8-го июня — Москва — 1835

преданный вам
Денис Давыдов

Адрес мой: Симбирской губернии, Сызранского уезда в с.Маза
ОР ПИБ. Ф.859. К.32. № 28. Л.5—5об. Автограф.

***

Новые милости — новая благодарность, любезнейший друг Александр Иванович! Программа получена, но дело в том, что я еще не имею здесь разных документов, которые в Москве, и о присылке, которых я писал уже; Впрочем по программе я вижу, что первый прием — для петербургских детей, к тому же моему нельзя вступить в институт прежде трех лет, ибо ему теперь только 11 — следственно время терпит; Я же зимою хочу побывать в Петербурге и обнять вас, милого друга, и прижать вас к сердцу моему и лично поблагодарить вас за ваши одолжения неоплатимые, бесценные.

Вы пишете о Монмирале. Куда бы мне хотелось вам помочь в этом! Но дело это у меня только в голове, в памяти, а не на бумаге. Вы спрашиваете: это дело проигранное ли только или *dérouté*⁶⁶. Я отвечаю вам: *dérouté*, потому что пехота бежала в рассыпную, потому что артиллерию насилу из грязи вытащили и то, от того, что Ланской дал половину моего полка (Ахтырского) и половину Белорусского, чтобы помочь артиллеристам, потому что правый фланг (кажется, два пехотных полка и два эскадрона моего Ахтырского под командою подполковника Дуванова и майора Горсткина) был отрезан и только на другой день по утру и то, посредством большого обхода, соединился с нами на половине дороги от Монмираля в Шато-Тиери, наконец, потому, что я со своим полком и брат Петр Львович Давышов⁶⁷, который командовал тогда Белорусским — мы остались последними на поле сражения и видели весь хаос, в которой приведен был несчастный наш корпус по милости Сакена. Дело в том, что преследуя неприятельский корпус к Мо, он, при получении известия от Карпова⁶⁸ (которого Наполеон, по разбитии в Шампобере Олсуфьева, выгнал из Монмираля), что неприятельские конные и пешие колонны вступили в Монмираль, вздумал, что это не неприятельская армия, а ничто более как партизаны. Это я слышал своими ушами, ночью, на обратном походе нашем из St. Jean les deux jumeaux к Монмиралю. Это мнение увлекло его к введению в дело вдруг весь корпус в котором, впрочем, вряд ли было 10 тысяч. Но это еще простительно, вот что непростительно: Йорк атаковал на дороге от Шато-Тиери к Мо; следственно, Сакену надлежало держаться Йорка и усилить свой левый фланг, а не правый, который он усиливал всеминутно в деревушке, кажется, Vandoeuvre и который остался отрезанным, когда прорвали центр наш у *Lepine aux bois*.

По мнению моему, Сакен тут так виноват, что нет оправдания, и я не знаю, как вы, любезный друг, его выпутаете из сетей, а представить дело, как оно было, нельзя, не позволяя.

Я было хотел на этой почте прислать вам две статьи для Смирдина, но отлагаю это до будущей почты, ибо вторую не успел кончить. Итак, простите любезнейший Александр Иванович, до свидания в генваре

13 ноября [1835]
Симбир. губ. Сызран. уезда
с.Маза

преданный вам душой
Денис Давыдов

P.S. Я получил от Карлгофа⁶⁹ письмо. Он просит от меня статьи в альманах свой. Я с радостью дал ему бы эту статью, но у меня

все похитил Смирдин. Разве написать нарочно? Да занят много: польская война губит много времени. Однако постараюсь без означения срока; скажи ему, даром, что я ему писал о том же.
ОР ГТБ.Ф.859. К.32. № 28. Л.6—7. Автограф.

Комментарии

¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980; Мальшкин С. А. Об архиве историка Отечественной войны 1812 г. А.И.Михайловского-Данилевского // Советские архивы. 1987. № 4. С.71—77.

² Лористон Жак-Александр-Бернар (1768—1828) — маркиз де Лоу, генерал и дипломат, в 1811—1812 гг. французский посол в России.

³ Понятовский Иосиф-Антон (1763—1813) — князь, маршал Франции.

⁴ Прочь оружие (фр.)

⁵ Оставьте свои шпаги под честное слово (фр.)

⁶ Следуйте за мной (фр.)

⁷ Ланжерон Александр Федорович (1763—1831) — генерал от инфантерии.

⁸ Блюхер Гебхард Леберехт (1742—1819) — прусский фельдмаршал, главнокомандующий Силезской армией.

⁹ Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — король прусский с 1797 г.

¹⁰ Бернадот Жак-Батист-Жюль (1764—1844) — маршал Франции, с 1810 г. наследный принц Швеции Карл-Иоганн, главнокомандующий Северной армией, впоследствии король Швеции Карл XIV.

¹¹ Шварценберг Карл-Филипп (1771—1820) — австрийский фельдмаршал, главнокомандующий Главной армией.

¹² Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1773—1843) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант.

¹³ Олсуфьев Захар Дмитриевич (1773—1835) — генерал-лейтенант, командир 9-го корпуса.

¹⁴ Сражение при Шампобере (Champaubert) произошло 29 января 1814 г.

¹⁵ Сражение при Бриенне произошло 17 января, при Ля-Ротгере — 20 января 1814 г.

¹⁶ Корнилов Петр Яковлевич (1770—1828) — генерал-лейтенант, командир 15-ой пехотной дивизии, после пленения Олсуфьева принял командование корпусом.

¹⁷ Удом Евстафий Евстафьевич (1760—1836) — генерал-майор, командир 9-й дивизии.

¹⁸ Юшков Александр Иванович (1773 — после 1835) — генерал-майор, шеф Якутского пехотного полка.

¹⁹ Сражение при Монмирале произошло 30 января, Полторацкий описывает сражение при Шампобере, которое произошло днем ранее.

²⁰ Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович фон дер (1752—1837) — генерал-лейтенант, командовал правым крылом Силезской армии.

²¹ Груши Эмануэль (1768—1848) — французский генерал, впоследствии маршал Франции.

²² Великий хитрец (фр.)

²³ Бертье Луи Александр (1753—1815) — герцог Невшательский, князь Ваграмский, маршал Франции, начальник штаба Наполеона.

²⁴ Ней Мишель (1769—1815) — герцог Эльхингенский, маршал Франции.

²⁵ Мармон Огюст Фредерик Луи (1774—1852) — герцог Рагузский, маршал Франции.

²⁶ Маре Гуго-Бернард (1763—1839) — герцог Бассано, министр иностранных дел Франции.

²⁷ Фляго Огюст-Шарль-Жозеф (1785—1870) — дивизионный генерал, адъютант Наполеона.

²⁸ Ошибка в отчестве произошла потому что свои первые сочинения историк подписывал: А.М.Данилевский.

²⁹ При Бриенне была одержана первая победа на территории Франции.

³⁰ Пален Петр Петрович (1778—1864) — генерал-лейтенант, командовал авангардом корпуса Витгенштейна.

³¹ Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — генерал-лейтенант, начальник Главного штаба при императоре Александре I.

³² Мезон-Руж (фр.)

³³ Коломб-л'Эглиз (фр.)

³⁴ Горчаков Андрей Иванович (1779—1855) — генерал-лейтенант, командир 1-го корпуса.

³⁵ Вреде Карл Филипп (1767—1839) — генерал от кавалерии, командующий баварскими войсками.

³⁶ Удино Никола-Шарль (1767—1847) — герцог Реджио, маршал Франции.

³⁷ Прусский орден «За заслуги».

³⁸ Евгений Вюртембергский (1788—1838) — принц, генерал-лейтенант.

³⁹ Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818) — генерал-лейтенант, с 8 октября 1813 г. генерал от кавалерии.

⁴⁰ Дюрют Жозеф-Франсуа (1767—1827) — дивизионный генерал.

⁴¹ Теттенборн Фридрих-Карл (1778—1845) — полковник, командир армейского партизанского отряда.

⁴² Ланской Сергей Николаевич (1774—1814) — генерал-майор, с 15 сентября 1813 г. генерал-лейтенант. Смертельно ранен при Краоне 23 февраля 1814 г.

⁴³ Я первый взял часть города (фр.)

⁴⁴ Прендель Виктор Антонович (1766—1852) — подполковник.

⁴⁵ Платов Матвей Иванович (1753—1818) — генерал от кавалерии, войсковой атаман войска Донского.

⁴⁶ Тильман Иоганн Адольф (1765—1824) — генерал-лейтенант, командир армейского партизанского отряда.

⁴⁷ Лефевр-Денуэт Шарль (1775—1822) — дивизионный генерал.

⁴⁸ Менсдорф-Пуилли Эмануэль (1777—1852) — в 1813 г. полковник, командир отряда русско-австрийских войск.

⁴⁹ Иловайский Осип Васильевич (1776—1839) — генерал-майор.

- 50 Горин Дмитрий Филиппович (р.1763) — подполковник.
- 51 Кудашев Николай Данилович (1784—1813) — генерал-майор, командовал авангардом корпуса Платова, убит под Лейпцигом.
- 52 Сеславин Александр Никитич (1785—1858) — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г.
- 53 Йорк фон Вартенбург Ганс-Давид-Людвиг (1756—1828) — прусский генерал-лейтенант, командир корпуса.
- 54 Сражение при Кроане произошло 23 февраля 1814 г.
- 55 Ушаков Сергей Николаевич (1776—1814) — генерал-майор, убит при Кроане.
- 56 Юрковский Анастасий Антонович (ум. 1831 г.) — генерал-майор.
- 57 Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859) — генерал-майор, при Кроане контужен.
- 58 Васильчиков Илларион Васильевич (1777—1847) — генерал-лейтенант, командовал кавалерией Силезской армии.
- 59 Сражение при Фер-Шампенуазе произошло 13 марта 1814 г.
- 60 Пакто Мишель-Мари (1764—1830) — французский генерал.
- 61 Пален Павел Петрович (1775—1834) — генерал-майор, командир 2-й конно-егерской дивизии.
- 62 Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — издатель.
- 63 Карл-Людвиг-Иоанн (1771—1847) — австрийский эрцгерцог и полководец.
- 64 Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель, автор «Истории Наполеона» (1827).
- 65 Вильсон Роберт Томас (1777—1849) — английский генерал, в 1812 г. состоял английским эмиссаром при Главной квартире русской армии, один из лидеров оппозиции М.И.Кутузову.
- 66 Разгром (фр.)
- 67 Давыдов Петр Львович (1782—1842) — генерал-майор.
- 68 Карпов Аким Акимович (1767—1838) — генерал-лейтенант.
- 69 Карлгоф Вильгельм Иванович (1796—1841) — генерал-майор, писатель и переводчик.

Из истории сберегательного дела в России:

Письмо В.Н.Хитрово П.М.Романову

*Вводная статья, подготовка текста
и комментарии В.В.Морозана*

Возникновение государственных сберегательных касс в России относится к началу 1840-х гг. По указу Николая I первые сберегательные институты были открыты при Воспитательных домах С.-Петербурга и Москвы и подчинялись непосредственно сохранным казнам¹. Однако в силу сложившихся социально-экономических условий дореформенной России сберегательные кассы утверждались на русской почве достаточно трудно и не смогли получить сколько-нибудь значительного распространения.

Тем не менее помимо двух столичных касс в 1840—1850-е гг. в стране были открыты еще 46 губернских сберегательных заведений при большинстве приказов общественного призрения. Эти два десятилетия в истории отечественных касс можно рассматривать в основном как годы утверждения идей бережливости в российском обществе, деятельность же названных заведений носила в целом просветительский характер.

Узкий круг вкладчиков, который «рекрутировался» главным образом из представителей еще неразвитого третьего сословия (мелких гражданских и военных чиновников, торговцев, ремесленников, мещан, низших военных чинов), не способствовал накоплению денег в сберегательных кассах. В то же время большая часть населения страны, проживавшая в сельской местности, была лишена возможности пользоваться услугами этих касс, что также тормозило развитие сберегательного дела в России. Впрочем, лишенная личной свободы и частной инициативы, эта категория населения вряд ли смогла бы существенно пополнить фонды сберегательных учреждений.

Незначительность результатов, достигнутых в процессе развития сберегательных учреждений, была связана также и с отсутствием единого руководства кассами. Находясь в подчинении различных государственных структур, кредитная деятельность которых пресле-